

Фёдор ЯГУНОВ

Послесловие к подвигу

Нынче, зайдя в библиотеку, я в числе книг, взятых для прочтения, принес домой томик стихов известного мне еще с военных лет поэта Евгения Долматовского. Его сборники есть у меня и в домашней библиотеке, но эту книжку, изданную в 1984 году, я видел впервые. Просматривая стихи, сразу же остановился на названии «Рассказ сибиряка». Стал читать. И где-то уже на первой его половине понял, что героем баллады известного поэта является один мой давний знакомец, к сожалению, уже ушедший из жизни. И хотя в изложении поэта событие, участником которого был наш земляк, расходится с тем, что случилось на самом деле, у меня нет сомнения, что в основу баллады положено одно и то же происшествие, которое в своё время взволновало многих, в том числе и меня.

Судите сами:

*Расскажу во всех подробностях,
Случай памятный один,
Как из Кемеровской области
Ездил в гости я в Берлин.
Авиационной почтой
В наше дальнее село
Свадебное, с ангелочками
Приглашение пришло.
Старший внук письмо с немецкого
Перевел без словаря,
Но не понял, чьё приветствие,
Я, по правде говоря.
Неизвестная Амалия
Обращается ко мне:
Дружба – фройндшафт и так далее,
Приезжайте по весне;*

*Все соседи наши видели,
Как, готовясь брать Рейхстаг,
Сберегли меня от гибели
Вы, товарищ-сибиряк...*

Но вернемся памятью в прошлый век, когда еще так свежи были события Великой Отечественной войны.

В мемуарах маршала Чуйкова, вышедших в конце пятидесятых годов, внимание кемеровских журналистов привлекли строки, где маршал рассказывает, что в основу идеи памятника ВОИНУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ, созданного скульптором Вучетичем для берлинского Трептов-парка, положен действительный факт, имевший место в дни штурма нашими войсками фашистского логова – Берлина. Василий Иванович Чуйков называет имя советского солдата, спасшего немецкую девочку. Ту, которую держит на руке бронзовый воин. Этим солдатом оказался кузбассовец Николай Иванович Масалов, «призванный Тисульским райвоенкоматом», сообщает маршал.

Какого же работника пера такая сенсационная новость оставит равнодушным? Тотчас же кемеровские журналисты бросились на поиск Н. И. Масалова – прообраза главной фигуры знаменитого мемориала. Естественно, каждое издание считало делом чести первым представить кузбассовцам неизвестного до того героя. опередил всех корреспондент газеты «Кузбасс» Пётр Ворошилов. Помимо газетной заметки, он выпустил еще и тоненькую книжку о нашем земляке.

Мы, телевизионщики, замыслившие снять

- Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке
- Николай Масалов

о Масалове документальный фильм, отстали. Наткнулись на неожиданное препятствие.

...А поначалу всё шло хорошо. Примчавшись на студийном, крытом брезентом грузовичке в Тяжин, мы узнали, что Масалова дома нет. Он – в отпуске, уехал в тайгу бить шишки. Мы не огорчились, мы обрадовались: это же удача! Ну, чего интересного, если мы снимем Масалова дома за чашкой чая или во дворе за каким-нибудь будничным занятием? Кино требует динамики, требует зрелища. А тайга? Ну, во-первых, это, с точки зрения любого западного зрителя, – экзотика. Во-вторых, естественная среда обитания для воина-сибиряка, «стреляющего белку в глаз»! И в-третьих, герой нашего фильма будет снят за мужественным и опасным, но естественным для сибирского мужчины промыслом.

Ринувшись в тайгу почти что на авось, мы смогли разыскать стан промысловиков, что само по себе уже было удачей! Нас не смущало, что шишкарки промышляли не совсем дозволенным способом, не лазили на сорокаметровой высоте по кедрочкам, а сбивали урожай этих добрых деревьев с помощью колота – тяжелой деревянной чурки, насаженной на длинную, с сажень, рукоятку. Оперев колот о землю, двое шишкарки отводили чурку и со всей силой ударяли ею по стволу, сотрясая дерево. Спелые шишки градом сыпались на землю, знай – собирай!

Нам понравился сам бывалый солдат: не крупный, но осанистый мужчина средних лет со смуглым лицом и чуть раскосыми «азиатскими» глазами. Понравилась и нынешняя профессия бывшего тракториста. Инвалид войны теперь работал завхозом в детском

садике. Это же, оказывается, не случайность какая, что солдат под пулями, под разрывами, ежесекундно рискуя жизнью, бросился спасать ребенка! Заметьте, не нашего, а вражеского на тот момент ребенка. Значит, его безумный по житейским меркам порыв был обусловлен чем-то большим, чем военная необходимость. И заранее задуманная нами сцена общения героя с тяжинской детворой будет не натяжкой, а естественной потребностью его человеческой сущности. Это же образ! Образ, не придуманный сценаристом, а взятый из самой жизни.

В тайге в качестве вступления к фильму мы вдоволь наснимали кадров сибирской экзотики. Надо было показать теперь героя в его повседневной, не отпускной жизни, в том числе и дома, в семье. И тут нас ждало разочарование. Дом у российского героя, грудью отстоявшего страну, был низкий, полуразвалившийся, с такой же ветхой, примкнутой к нему стайкой. И домом-то можно было это строение назвать с большим допущением..

Было совершенно ясно, не можем мы позорить на весь мир солдата-освободителя, и фильм наш, коли он будет сделан, никогда не увидит экрана. Оператор Вадим Литвинов уныло упаковал съёмочную камеру. Командировку пришлось прервать.

Возвратившись в Кемерово, мы обрисовали ситуацию директору студии Култаеву. На другой день Дмитрий Иванович отправился в обком партии. В качестве «аргумента» взял с собой и меня, режиссёра, отказавшегося снимать фильм в таких, «позорящих советскую действительность» условиях. Состоялся разговор в кабинете секретаря по идеологии Кузьминой. Зинаида Васильевна согласилась, что съёмка приостановлена правильно. С продолжением работы над фильмом советовала потерпеть полгода. Мы возражать не стали. Честно говоря, руководили нами при этом не только интересы будущего фильма, но и редкая возможность повлиять на жизнь

бывшего солдата, действительно достойного лучшей доли. Вскоре мы узнали, что власти Тяжина приняли решение отвести участок земли и построить для семьи Масалова дом.

Мы, телевизионщики, таким поворотом дела остались довольны. Позднее, однако, мне стало известно, что была еще одна и, может быть, более весомая причина, заставившая руководство обкома дать команду районным властям позаботиться о достойном жилье для простого солдата Великой Отечественной. Из германского посольства в Москве поступил запрос о возможности приезда в Тяжин группы западных журналистов для встречи с Николаем Ивановичем Масаловым. Из Кемерово ответили, что приезд возможен, но попросили отложить визит журналистов до весны.

Между тем в Тяжине была спешно снята с ремонта здания райисполкома плотничья бригада. Не так быстро, как бы нам хотелось, но дом Масалова строился. Наконец где-то в конце февраля 1963 года на студию позвонили из обкома и сообщили, что приезд западных журналистов ожидается послезавтра.

В назначенный день, где-то уже после полудня, мы на своем уазике присоединились к небольшой автоколонне из трёх обкомовских «Волг». Гостей оказалось всего трое: двое журналистов из Западного Берлина и переводчик из московского «Интуриста». Старшего группы звали Хубертом.

Перед отъездом в кратком напутствии группе сопровождающих (я был в их числе) в кабинете третьего секретаря обкома Зинаида Васильевна высказала недвусмысленное пожелание. Цитирую: «Надо сделать так, чтобы они (западные журналисты. – Авт.) там ничего (надо полагать, ничего лишнего. – Авт.) не увидели».

Мы на своём далеко не новом уазике сразу же после выезда за город на мариинскую трассу несколько поотстали. Приехали в Тяжин уже в темноте. И сразу в столовую (та-

ково было распоряжение). Эта столовая по вечерам служила здесь чем-то вроде ресторана. Столики накрывались скатертями и обслуживались официантками в фартучках и белых наколках.

Гости и сопровождающие были уже там. Столики были составлены в один длинный и уже накрытый банкетный стол. Здесь собрался весь тяжинский руководящий «бомонд». Заместитель председателя райисполкома Поленович играл на баяне. День был зимний, морозный. Румяные люди, в основном мужчины, с вождением поглядывали на запотевшие бутылки и графинчики.

Почти тут же последовало приглашение за стол. Снимать в столовой сопровождающие лица из области нам не разрешили. Началось первое действие всякого визита иностранных гостей – широкое и хлебосольное застолье. Следует учесть, что в Тяжине, маленьком районном центре на востоке области, журналисты из-за рубежа появились впервые. Чтобы не ударить в грязь лицом перед Европой, хозяева расстарались от всей души. Редька с квасом, горячие – с пылу, с жару – пельмени, шаньги с капустой, и еще что-то привлекательное, и в больших количествах. Вино, что называется, лилось рекой. Гости из Европы поначалу как могли в питье сдерживались. Но вскоре их сопротивление дружными усилиями хозяев было сломлено. Они тоже стали пить по полной. Гулянка получилась – высший класс! Бесперывно сыпались тосты. Пили за дружбу народов, за мир во всем мире, за всеобщее и полное разоружение. Баян не умолкал...

Николая Ивановича Масалова среди гостей не было.

Хорошо разогревшиеся гости напомнили хозяевам их обещание показать тайгу. Тайги, как известно, в окрестностях Тяжина нет, но обещание надо выполнять. В багажники машин загрузили ящики с водкой, с пивом, с закусками. При общем оживлении было объявлено: едем в тайгу! С шоссе свернули на

какую-то просёлочную, пробитую в сугробах, дорогу. Светила луна... Остановились у леса. Чёрные кривые стволы каких-то, совсем не хвойных деревьев тонули в темноте.

– Вот она, тайга-матушка! – провозгласил кто-то из принимающих начальников, широким жестом обводя утонувшую в сугробах всхолмленную местность.

Изрядно подпившие гости восторженно обнимались с хозяевами, что-то лопотали на своём немецком языке, из всего можно было разобрать лишь два слова: гут и тайга! Переводчик из «Интуриста» в оживленной беседе представителей двух народов не участвовал, он, что называется, лыка не вязал. Впрочем, взаимопонимание и без переводчика установилось полное. Молодые расторопные инструктора райкома вытащили из багажников бутылки и разливали шампанское...

Я и сейчас не знаю, раскусили ли битые и тёртые немецкие газетчики надувательство и лишь в меру сил подыгрывали разгулявшимся хозяевам, или были настолько пьяны, что всё принимали за чистую монету? Не знаю, что писалось потом в западной прессе Хубертом и его коллегой, до нас такие сведения не доходили. Забегая вперед, скажу, однако, к очередной годовщине Победы немецкие власти объявили Н. И. Масалова почётным гражданином города Берлина.

Приключения же первого дня пребывания на Кузнецкой земле немецких журналистов на этом не закончились. Ночлег для всех прибывших из Кемерова по причине того, что районные гостиницы тех лет – и Тяжинская в их числе – были тесны и убоги, хозяева организовали в здании райкома, в парткабинете. Это была довольно обширная комната, заставленная стеклянными витринами с пропагандистской литературой и столиками для занятий. Столы вынесли, а витрины потеснили. На их место поставили кровати, заправленные свежим хрустящим бельём. Туалеты в райкоме были тёплые...

Первый секретарь райкома вместе с председателем райисполкома доставили гостей в эту импровизированную гостиницу, распрошались до утра и с облегчением, я думаю, удалились. Все оставшиеся, бывшие в хорошем подпитии, скоро спали крепким сном.

Я проснулся среди ночи, разбуженный громкими голосами. В ярко освещенной нашей комнате-спальне толпились люди, полураздетые постояльцы и другие, в пальто и шапках. Две женщины в белых халатах перевязывали руку интуристского переводчика – крупного розовощёкого молодого человека. Под ногами хрустело стекло.

Кроме главных тяжинских начальников, как я потом уяснил себе, здесь были районный прокурор, начальник раймилиции, главврач райбольницы и еще кто-то. У всех были озабоченные, а у иных – испуганные лица.

А произошло следующее. Среди ночи переводчику потребовалось выйти. В коридоре и необходимых помещениях предусмотрительно был оставлен свет. Переводчик благополучно справил нужду. Но, возвращаясь, в тёмной комнате, нетвёрдо стоящий на ногах, врезался в одну из стеклянных витрин с пропагандистской литературой и сильно порезался осколком толстого стекла. Я тоже, сморённый обильным угощением, спал крепко и не слышал воплей испуганного переводчика. Люди же, дежурившие в райкоме, увидев выскочившего в коридор окровавленного гостя, подняли тревогу. Обзвонили всех первых лиц, посеяв, как потом выяснилось, изрядную панику.

К моменту, когда я проснулся, всё уже выяснилось, порезы оказались не смертельными, и первые лица приносили извинения зарубежным гостям и кемеровским сопровождающим.

Остаток ночи прошел спокойно.

На утро было намечено главное, ради чего из Западной Германии и прибыли журналисты, – встреча с героем в детском саду, где

работал Николай Иванович. Это был и ответственный момент нашей работы. Эпизодом «мирового признания» подвига нашего земляка должен был завершиться фильм.

У нас не было портативной синхронной камеры, поэтому мы не смогли снять интервью Николая Ивановича нашим зарубежным коллегам. Зато мы достаточно полно сняли эпизод возни героя нашего фильма с детсадовскими ребятами. Николай Иванович запряг в санки лошадку, усадил в них малышей и устроил весёлое катание по тяжинским улицам. Это развлечение доставило одинаковое удовольствие как ребятишкам, так и самому Масалову.

Потом Николай Иванович пригласил гостей в свой новый дом. А это, помимо всего прочего, доставило тайное удовлетворение нашей съёмочной группе: мы-то знали, что идею нового дома для бывшего солдата в своё время подбросили начальству именно мы.

Дом по деревенским меркам шестидесятих годов был действительно замечательный. Срубленный из хорошего леса, светлый, достаточно просторный для семьи из трёх человек, он выглядел украшением улицы.

Правда, при заселении у хозяев не нашлось, чем обставить своё новое жилище. Та рухлядь, которой они пользовались до сих пор, испортила бы всю картину. Зарплата деревенского завхоза была слишком мала, чтобы думать о приобретении новой обстановки. Да и не было её в свободной продаже в те послевоенные годы. Мебель, как, впрочем, и многое другое насущное, не покупали, а «доставали». Нынешнему поколению россиян, пожалуй, и не понять, почему, скажем, перед заведующим торговой базой или продавцом магазина заискивали даже иные, средней руки, начальники.

Перед приездом гостей местной потребительской кооперации было дано указание временно обставить дом героя. Привезли диван, буфет, стол, стулья... Обед был приготовлен в той са-

мой столовой-ресторане, где вчера состоялся представительский ужин на высшем уровне. Обслуживали гостей повар и официантка, присланные оттуда же. Надо сказать, что это была вынужденная мера еще и потому, что жена Николая Ивановича страдала тяжёлым заболеванием, а дочка была еще подростком.

Так или иначе, обед прошел, как принято говорить в таких случаях, в тёплой и дружественной обстановке. Для Николая Ивановича – бывшего тракториста, вчерашнего солдата – это был первый опыт «светского» общения, держался он несколько скованно, но в то же время и с достоинством, присутствием сибирскому крестьянину.

Вот только с мебелью потом без проблем не обошлось. Не сразу, спустя какое-то время, когда Масаловы отошли от стресса, связанного с необычными гостями, и привыкли к новой обстановке, явились посланные из потребкооперации, чтобы забрать мебель. Николай Иванович обиделся, мебель не отдал и позвонил на студию. Телевидение снова прибегло к помощи секретаря обкома З. В. Кузьминой. Конфуза она допустить не могла, и ей удалось как-то уладить дело. Мебель осталась у Масаловых.

Вся эта история подталкивает к размышлению о роли случая в жизни человека. Не вспомни маршал Чуйков среди других многочисленных подробностей великой войны случай со спасением немецкой девочки, плававшей в разрушенном городе среди огня и жестокостей боя возле тела своей убитой матери, так бы и не знал Николай Иванович, что в тот предпоследний день штурма Берлина он совершил подвиг. И прожил бы он свою жизнь в неизвестности, как многие тысячи других уцелевших воинов. И мир так и не узнал бы имя человека, ставшего прообразом бронзового воина-освободителя – главной фигуры знаменитого берлинского мемориала работы скульптора Вучетича.

Мне понятна вольность поэта, который в своей балладе привел героя на свадьбу спасенной им немецкой девочки. Признаться, вся наша съёмочная группа документального фильма «Солдат с постамента» очень надеялась, что усилия немецких журналистов, усилия волонтеров от молодёжной общественности Германии, направленные на поиск безвестного ребенка, увенчаются успехом, и мы сможем назвать имя спасенной Николаем Масаловым немецкой девочки. Но, увы, поиск оказался безрезультатным. И то, что доступно фантазии поэта, невозможно для кинодокументалиста.

Николай Иванович Масалов по приглашению бургомистра посетил Берлин. Там в торжественной обстановке ему был вручен диплом почётного гражданина германской столицы города Берлина. К сожалению, из-за скудности средств провинциального телевидения нашей съёмочной группе не удалось снять ни самого торжества, ни посещения Масаловым Трептов-парка. Но знаменитый памятник в нашем фильме присутствует. Мы использовали для этого великолепные фотоснимки мемориала, подаренные нам немецкими журналистами.

Документальный, состоящий из двух частей фильм «Солдат с постамента» (автор сценария Г. Митякин, режиссёр Ф. Ягунов, оператор В. Литвинов) вышел в эфир Кузбасского телевидения в 1963 году. Тогда же был тиражирован и показан по Центральному телевидению. Оригинал фильма со всеми исходными материалами позднее сгорел при пожаре в студийной фильмотеке. Но тиражированные копии хранятся, надеюсь, в Госфильмофонде или в архиве Останкино. Во всяком случае, во время пятидесятилетия Победы кадры из нашего фильма с участием Н. И. Масалова я видел в одной из передач Центрального телевидения.

Январь 2010 года